

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ТРУД ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

С. П. Толстов. *Древний Хорезм*. Изд. МГУ, М., 1948.

Капитальное сочинение С. П. Толстова «Древний Хорезм» не нуждается в какой-либо общей оценке его достоинств — оно ее имеет. «Древний Хорезм» удостоен Сталинской премии — самой высокой и авторитетной оценки для труда советского ученого.

Работа С. П. Толстова не может не вызвать интереса со стороны любого советского историка, занимающегося древней историей народов нашей Родины. Она посвящена не какой-либо одной общеисторической проблеме и не какой-либо одной исторической эпохе или выдающейся личности, а прошлому целой и обширной территории, прошлому в полном его объеме — от темных глубин каменного века до позднего средневековья.

Эта установка отвечает глубокому интересу советских исследователей к прошлому отдельных народов и областей нашей Родины, к их самобытному творчеству во всех областях культуры, к их оригинальному вкладу в сокровищницу культурных ценностей народов Советского Союза. Она соответствует марксистско-ленинскому взгляду, что историю делают не цари, не завоеватели и полководцы, а сами народные массы.

Первый раздел своей работы С. П. Толстов открывает кованым стихом Руставели о «Великом Хорезме» XII—XIII вв., простиравшемся от Ферганы до границ Грузии и от Инда до казахстанских степей.

От Хорезма XII—XIII вв., когда империя хорезмшахов, могущественных правителей феодального государства, завершает процесс длительного «собираания земель» вокруг определенного политического, экономического и культурного центра в низовьях Аму-Дарьи, автор опускается в глубь предшествующих времен, все слабее и слабее освещаемых мерцающим светом письменных документов. Внимательно и терпеливо собирает он обрывки документов, уцелевших в известиях авторов раннего средневековья и античных писателей, критически сличает драгоценные факты и смелые догадки исследователей, чтобы притти к окончательному выводу о том, что расцвет империи хорезмшахов не оказался каким-то случайным и временным явлением, а был подготовлен всем историческим развитием предшествующих времен, и что в древнем сазисе Нижней Аму-Дарьи давно уже завязался узел больших исторических проблем.

Вместе с тем, по мере расширения круга этих проблем и по мере углубления в прошлое Хорезма все яснее становилось, что исследователь не может более оставаться «в заколдованном круге» скудных литературных источников, которым до сих пор располагала наука. «Нужно было, — говоря его собственными словами, — разорвать этот круг. Сделать это могла только археология. Автор и его сотрудники и стали тем отрядом советских археологов, на которых была возложена эта почетная и ответственная задача».

Результаты усилий участников хорезмской экспедиции нашли свое выражение в последующих главах «Древнего Хорезма», как в их словесном тексте, так и в графическом — рисунках, чертежах — реконструкциях древних крепостей, городов, оросительных систем, из которых, как живой, встает образ бессмертного народа «Древнего Хорезма» — народа мифического Сиявуша, полумифического Африга, мужественного воина Джелаль-Эддина и гениального мудреца средневекового Востока аль-Бируни, образ трудолюбивого, храброго и талантливое народа земледельцев, строителей и художников.

Следует, однако, со всей определенностью подчеркнуть, что эта цель была достигнута вовсе не на основе одних только археологических источников.

Мертвые, хотя и величественные з своим упадке руины древних городов, «башня Африга», Топрак-Кала и десятки других памятников, не говоря уже о рос-

сыпях обломков древней керамики, так и остались бы немymi, если бы исследователи, не выходя за пределы археологического материала, ограничились простым и привычным для археолога старой дореволюционной школы поверхностным описанием архитектурных памятников или вещеведческим анализом тех или иных серий предметов.

Следуя примеру классиков русской востоковедческой науки — Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова и В. В. Бартольда, С. П. Толстов с исчерпывающим знанием фактов привлекает к освещению археологических памятников сведения из сочинений восточных и античных писателей, древние надписи на монетах, тексты авестийской и ведической литературы, образцы загадочной древнехорезмийской письменности.

Так, целый раздел посвящен древнехорезмийским монетам сивушидов-афригидов, на основе специального анализа которых автор приходит к важным историческим выводам о сохранении власти в Хорезме на протяжении первых десяти веков нашей эры в руках одной местной династии и о том, что здесь, вместо конфедерации городов-государств античного типа, существовало иное, более сплоченное политическое целое, может быть типа деспотий классического Востока. Детальное изучение богатой коллекции хорезмийских монет, собранных экспедицией, привело С. П. Толстова также и к широким культурно-историческим обобщениям.

Ему удалось установить глубокую древность экономических и политических связей Хорезма с Восточной Европой и, в частности, Прикамьем, а также доказать стойкость и большую внутреннюю силу хорезмийских культурных традиций, которые смогли противостоять мощному воздействию сасанидского Ирана, чье влияние нашло свое отражение в господстве сасанидской религиозно-политической символики на монетах соседних стран Средней Азии.

С. П. Толстов столь же щедро привлекает факты и из тех областей научного знания, куда так редко и с такой осторожностью решаются проникать представители «настоящей», писаной истории — факты языка, материальной и духовной культуры живых народов нашего времени, и при этом не только среднеазиатских, тюрков или иранцев, но по мере необходимости и жителей далеких стран — не только «Старого», но и заокеанского, «Нового» Света — Америки.

В результате перед читателем разворачивается поистине неожиданное по богатству красок полотно.

Правда, впервые взяв в руки книгу С. П. Толстова, читатель не сразу может ориентироваться в ней, так как она построена не в обычном плане простого и последовательного изложения следующих друг за другом исторических событий и фактов. Автор, по его собственным словам, распределил материал не по хронологическому, а по тематическому плану. Он дает историю Хорезма не в виде описания следующих друг за другом хронологических эпох или этапов, а по особым узловым темам; пользуется в своем исследовании не дедуктивным, а индуктивным методом, идет не синтетическим, а скорее аналитическим путем.

Но как раз именно эта особенность «Древнего Хорезма» и делает книгу особенно свежей, оригинальной, а вместе с тем и поучительной. Читатель имеет здесь редкую и драгоценную возможность не брать исторические выводы в готовом виде, а подходит к ним тем сложным путем, которым шел сам автор. Автор вводит читателя в бурный водоворот калейдоскопически пестрых идей, фактов и исторических событий — в динамику исторического исследования.

В определенной логической последовательности ведет он читателя от одной темы к другой, с тем чтобы в конце пути открылась вся величественная и захватывающая картина воскрешенной от тысячелетового забвения древней цивилизации.

Первая такая тема развернута во второй (фактически первой) главе исследования — «Рустак Гавхорэ (к исторической динамике древней ирригационной сети Хорезма)».

Совершенно ясно, почему именно с этой темы начинает автор свое исследование исторических судеб древнего Хорезма: где вода в Средней Азии, — там и жизнь. Если уже первобытные ее племена, начиная с неандертальцев, жили в пещерах с родниками чистой прозрачной воды, вдоль рек и по берегам озер, то роль воды неизмеримо возросла с переходом к производящему хозяйству, к скотоводству и в особенности земледелию. Искусственное орошение явилось тогда главной основой, на которой выросли древние земледельческие общества Средней Азии и вся их культура. В искусственном орошении — ключ ко всей их истории, к их общественным отношениям и даже религии.

Исходя из полевых наблюдений над древней ирригационной сетью и археологическими памятниками, С. П. Толстов прослеживает историю орошения в Хорезме, начиная с отдаленной древности. Он устанавливает ее тесную связь с большими историческими событиями, выраженную в чередовании периодов роста и упадка ирригационной сети. Самое возникновение этой грандиозной системы оросительных сооружений он связывает с вопросом о происхождении классового общества и государства в древнем Хорезме. Как справедливо полагает С. П. Толстов, «создать великие каналы Хорезма могла только централизованная восточная деспотия».

Установленная им дата возникновения этих каналов — до середины первого тысячелетия — является вместе с тем прямым указанием и на время образования создавшей их государственности.

Исходя из указаний основоположников марксизма, С. П. Толстов наглядно показывает далее, как восточная система искусственного орошения почвы приходила в упадок в те эпохи, когда ослабевала власть и сила центрального правительства, когда страну потрясал глубокий социально-экономический кризис или наступала военная катастрофа.

В этих примерах С. П. Толстов с сокрушительной логикой противопоставляет взглядам сторонников чисто природных причин упадка древних оросительных систем иную, единственно научную последовательно марксистскую точку зрения. Во весь рост показывает он здесь человеческое общество как подлинного творца своей истории, как активную творческую силу, не пассивно приспосабливающуюся к природе, а, напротив, активно переделывающую мир в собственных интересах.

Третья глава «Башня Африга» (история типов поселений древнего Хорезма в связи с социально-экономической историей) показывает эту могучую силу человеческого общества уже в процессе ее внутреннего развития.

Древние рыболовы кельтеминарской стадии, стоявшие на низшей ступени варварства по классификации Энгельса, т. е. не вышедшие еще за пределы простого присвоения продуктов природы в готовом виде, первые скотоводы и земледельцы Хорезма — люди тазабэгской стадии, уже находившиеся на ступени зрелого бронзового века, люди амирабадской культурной стадии — раннего железного века, непосредственные предшественники строителей городищ с «жилыми стенами» — такова непрерывная и последовательная цепь частных этапов исторического прошлого древних хорезмийцев в пределах первобытно-общинного строя.

За ними следует новое время — «эпоха тысячи городов», когда в низовьях Аму-Дарьи уже была создана сеть великих каналов, когда там уже существует классовое общество и возникает государство.

Яркими чертами обрисован в древнем Хорезме образ жизни обитателей удивительных «городищ с жилыми стенами», о которых, по удачной догадке С. П. Толстова, говорится в Авесте как о загадочной «четырёхугольной Варе», построенной культурным героем древних иранцев Йимой.

Дальше следует описание памятников кангюйского времени (IV в. до н. э. — I в. нашей эры).

Тщательный анализ таких первоклассных укрепленных поселений, как Джанбаскала площадью 34 000 м² или единственная в своем роде крепость Кой-Крылганкала, состоящая из двух мощных концентрических кругов оборонительных сооружений, приводит исследователя к выводу, что вся их планировка свидетельствует об архаическом и устойчивом укладе древней земледельческой общины. Этот «косный неподвижный пьедестал» хорезмийского общества того времени, говорит С. П. Толстов, находится в противоречивом единстве с его классовым строем, с расцветом городской жизни, ремесла и искусства.

Затем наступает время кушанских, а после них афригидо-кушанских памятников, в освещении которых позднеантичный Хорезм рисуется как «типичное древне-восточное общество», сочетающее с развитой городской жизнью и могущественной рабовладельческой аристократией новые тенденции, свидетельствующие о зарождении в недрах рабовладельческого общества элементов феодализма. Сферой проявления этих сдвигов явилась, по словам С. П. Толстова, хорезмийская деревня, тогда как старый античный город оставался хранителем уходящих в прошлое традиций.

Грандиозная «башня Африга», цитадель могучего деспота-властелина, и другие аналогичные ей крепости символизируют собой начало нового времени в истории Хорезма. Косная и неподвижная сельская община, этот фундамент рабовладельческой античной цивилизации, приходит в упадок. На смену прежним общинным поселениям-крепостям земледельческого населения приходят небольшие укрепленные усадьбы еще оставшихся независимыми свободных крестьян. А над ними властно поднимаются мощные башни-донжоны, в которых засели местные власти-аристократы, окруженные своими слугами и рабами. Начинается время напряженной классовой борьбы крестьянства против угнетателей-аристократов, время гражданских войн и глубокого политического кризиса.

Так совершается в Хорезме бурный и кровавый переход от рабовладельческого строя к феодализму, осложненный вмешательством варваров-завоевателей, сначала эфталтов, за ними тюрков и арабов.

Свой обзор социальной истории древнего Хорезма С. П. Толстов заканчивает временем централизованной империи «великих хорезмшахов», эпохой эффектного расцвета феодального общества, основанием которого явилась теперь большесемейная домашняя община, объединявшая уже не свободных, как прежде, непосредственных производителей, а угнетенных и эксплуатируемых феодальной знатью крестьян. Их неустанному труду был обязан своим пышным расцветом феодальный Хорезм средних веков перед монгольским завоеванием. Результаты их труда запечатлены и в архитектурных памятниках и в известиях средневековых путешественников, писавших, что они никогда не видели области более обитаемой, более цветущей, чем Хорезм, и не предполагали, чтобы в мире была область, превосходившая по своему благосостоянию Хорезм и более населенная, чем он.

С. П. Толстов не ограничился тем, что так наглядно и отчетливо показал слож-

ный и самобытный исторический путь населения древнего Хорезма на протяжении шести тысячелетий от эры легендарного Сиявуша до Африга и от Африга до вторжения монгольских орд Чингис-хана, превративших в пыль и пепел прекрасные города Хорезма, заливших кровью его трудолюбивых земледельцев, их плодородные поля, уничтоживших мудрецов и художников этой страны мирного труда и покоя, как о ней писали восточные путешественники, очевидцы ее расцвета.

Заключительный раздел работы — «Хорезмский всадник» — и три последних экскурсы вводят читателя в круг наиболее сложных вопросов, касающихся той области культуры, где всего ярче и всего определеннее выражается оригинальный характер той или иной народности, сказывается ее индивидуальный исторически сложившийся облик, ее собственное культурно-историческое лицо.

В этих заключительных разделах работы С. П. Толстова в полный рост встает героический и мужественный облик создателя этой выдающейся древней цивилизации нашей Родины — древнего хорезмийца — крестьянина, воина, ученого, поэта и мыслителя.

В первом разделе четвертой главы — «Монеты сиявушидов-афригидов» — речь идет о таком, казалось бы, узком и специальном сюжете, как собрание хорезмийских монет. Но это только на первый взгляд. В действительности и здесь С. П. Толстов дает общеисторические выводы. Как оказалось в результате его исследований, загадочные знаки на хорезмийских монетах являются тамгой сиявушидов-афригидов, свидетельствующей о силе собственных, местных традиций. Это — символический образ политического суверенитета и культурной самобытности древних хорезмийцев, а вместе с тем отражение их глубоких прогрессивных связей с соседними народами и культурами.

Та же тема звучит и в следующем разделе, посвященном интереснейшей группе археологических находок, — древнехорезмийским терракотам, изображающим людей и животных.

Тщательный анализ хорезмийских терракот позволил С. П. Толстову обнаружить в них отражение древней земледельческой религии туземного населения с характерными для нее центральными образами страдающего и умирающего светлого божества растительности — Сиявуша, богини-матери Анахиты.

Изображения лошадей автор связывает с архаическим туземным культом солнечного коня у массагетов, о котором свидетельствует Геродот; с пережитками древнейшего культа звериных тотемов и дуалистических мифов, выросших на почве первобытной дуальной организации. Одновременно он устанавливает и своеобразие строгого, конструктивного в основе искусства хорезмийцев, обусловленное особенностями их исторического развития.

Третий раздел — «Конница Кангюя» — наглядно показывает своеобразные черты военной техники древних массагето-хорезмийцев, высокий уровень которой нашел выражение в больших политических событиях древности, начиная с победоносного выступления в мировой истории создателей Кушанской империи и битвы при Каррах.

Сложным политическим событиям, рисуящим активную роль древнего Хорезма как сплота борьбы свободолюбивых народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков, посвящен едва ли не самый интересный и насыщенный историческими фактами экскурс «Угроза Евтидема».

Второй экскурс — «Тирания Аброя» — раскрывает еще более сложные и острые политические события, на этот раз уже тесно связанные с внутренней, классовой, борьбой внутри хорезмийского общества — борьбой плебейской оппозиции тюркского кочевья и землевладельческого оазиса против своих господ, предвещавшей грядущее господство нового феодального строя над старым рабовладельческим.

В третьем и последнем экскурсе автор исследования уходит еще глубже в анализ этой социальной борьбы, прослеживая ее конкретные особенности в самой сущности древнехорезмийского общества, в архаическом строе восточной общины с характерными для нее пережитками родовой организации, матриархата и других элементов всего этого устойчивого комплекса древнейших элементов общественных отношений, наложившего свою печать на всю конкретную историю восточных государств.

Обобщая этнографическими параллелями обширный и яркий, но никем до сих пор еще не поднятый материал, автор прослеживает в многовековой истории Средней Азии, начиная от глубокой древности и кончая средневековьем, совершенно бесспорные пережитки дуально-родовой организации в мифах и обычаях, следы группового брака, мужские дома, тайные мужские союзы и генетически связанный с ними институт сакральных царей-жрецов. Столь же убедительно раскрывает С. П. Толстов связь между этими архаическими чертами общественного строя феодализирующегося Хорезма и народными движениями, которые были, по его словам, последними отзвуками разбитого и обессиленного движения общин против торжествующего крепостничества. Хотя эти движения и были подавлены, но борьба свободных крестьян-общинников принесла свои плоды. Крепостничество на Востоке так и не смогло достичь окончательного расцвета, вылиться в те законченные и отвратительные формы, в которых оно известно в западном средневековье.

Последний, заключительный, раздел: «Опыт исторического синтеза» сводит воедино все эти выводы и факты, показывая древний Хорезм как культурное и поли-

тическое целое на фоне окружающего мира, на фоне истории Европы, Передней, Восточной и даже Северной Азии, в качестве активного участника больших культурных, этнических и политических событий прошлого Старого Света — этой основной арены человеческой истории. Восстановить это забытое прошлое Хорезма было нелегко. Многолюдные когда-то города древнего Хорезма веками лежали в развалинах; пески пустыни заносили его поля и деревни. И, наконец, как писал Бируни, арабский полководец Кутейба варварски «рассеял и уничтожил всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, кто были среди них, так что покрылось все это мраком...»

Много труда и творческого вдохновения понадобилось для того, чтобы восстановить те «истинные знания» о прошлом Хорезма, об утрате которых в результате арабского погрома Средней Азии скорбел Бируни. Эти данные, мастерски сведенные в большом историческом полотне, теперь восстановлены на основе марксистско-ленинского исторического метода.

Конечно, в фундаментальном труде С. П. Толстова есть отдельные спорные или малоразработанные проблемы. Укажу, например, хотя бы на следующие темы: о длительности патриархально-родового этапа в истории первобытного общества, о соотношении отцовского рода и большой патриархальной семьи в различных конкретных условиях; о происхождении дуалистической космогонии и дуалистических мифов только в качестве отражения дуальной организации или — на более широкой основе — о действительном своеобразии и о так называемой «диффузности» первобытного мышления; о деталях намечаемой С. П. Толстовым картины широких культурно-этнических связей в каменном веке («индо-угорская общность»); об отношении носителей кельтеминерской культуры к неолитическим племенам Восточной Сибири.

Оставляя в стороне такие вопросы, которые должны явиться предметом особых дискуссий и детальных исследований, следует в заключение остановиться еще на одном обстоятельстве.

Книга С. П. Толстова — не обычная ученая книга и по своему языку, и по характеру изложения. Автор ее умело сочетал в ней с глубиной содержания и ученостью черты превосходного литературного произведения. Книга соединяет строгую и точную аналитическую методiku археологического и историко-филологического анализа с творческим воображением и романтическим накалом чувств.

Что же касается места «Древнего Хорезма» в ряду сочинений, посвященных прошлому Средней Азии, то первое, что вспоминается здесь, — известное произведение В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Как известно, «Туркестан» Бартольда не только осветил целую забытую эпоху в истории Средней Азии, но и произвел переворот в ее историографии, обозначив в ней определенный переломный этап. Классические работы Бартольда явились кульминационным пунктом русского дореволюционного востоковедения в этой области, высшим его достижением. Точно так же и «Древний Хорезм» Толстова впервые делает достоянием науки определенное время в прошлом Средней Азии, открывает во всей их глубине и широте первобытно-общинный и особенно античный этапы этой истории, т. е. то самое время, которое осталось за пределами труда Бартольда.

«Древний Хорезм» точно так же подводит итог огромной работе, проделанной русским востоковедением по истории Средней Азии на определенном этапе его развития.

Если работы Бартольда явились в полном смысле слова последним монументальным достижением русского буржуазного востоковедения, то труд С. П. Толстова подводит итоги начальному этапу в истории изучения прошлого Средней Азии советскими исследователями.

В каждой его главе чувствуется неуемное стремление вперед, столь характерное для советской науки в целом.

Труд С. П. Толстова является доказательством того, какие необъятные перспективы открывает перед ученым марксистский метод исследования.

«Древний Хорезм» С. П. Толстова является поэтому вместе с тем началом нового творческого этапа в изучении прошлого Средней Азии, результаты которого, несомненно, будут еще более значительны и явятся дальнейшим фундаментальным вкладом в советскую науку.

А. П. Окладников

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Не только интерес к русской литературе, но и интерес к русскому фольклору имеет в Чехословакии давнюю и прочную традицию. Он восходит к началу XIX в., когда повышенное внимание к русской культуре и, в частности, русской народной поэзии было тесно связано с ростом национального самосознания, с развитием чехословацкой культуры в условиях национального гнета. Обращение к фольклору вообще приобрело в чешской литературе первой половины XIX в., в период «национального возрождения», исключительные размеры. Высшие слои общества были онемечены, и именно трудовой народ хранил богатства языка и самобытной культуры. Только опираясь на народную поэзию, свою и других славянских народов, в пер-